

Философия

УДК 141.333

А.К. Вайтуков, А.С. Ворончихин, М.А. Сентяков

О СПРАВЕДЛИВОСТИ ЗАКОНОВ

Исследуется исторический генезис соответствия законов государства и справедливости. Указывается на частое несовпадение отношений законности и справедливости как внутри общества, так и в международном масштабе. Неравное положение в развитии индивидов, разных групп общества, народов и государств порождает идею «избранности», «законного» насилия, «двойных» стандартов, что неизбежно разрушает отношения справедливости. Следовательно, разрушается и баланс интересов, неминуемо порождая конфликты, дестабилизируя устойчивость социальных систем и отношений. Отмечается взаимосвязь между законодательной деятельностью и потребностью общества в защите и восстановлении справедливости. Дается определение понятию *справедливость*. Доказывается необходимость законодательного и правоприменительного осуществления отношений справедливости для стабильного и поступательного развития общества.

Ключевые слова: справедливость, закон, законность, государство, законодатель, общество, право, человек, насилие, избранность, двойные стандарты, баланс интересов.

Закон должен быть справедливым,
а справедливость законна.

Справедливость и Закон в разные исторические эпохи и в разных человеческих сообществах зачастую не только не совпадали, но и скорее находились в противоположных концах спектра человеческой жизни и деятельности. Поэтому мечтой большинства разумных и добропорядочных людей было прийти к такому состоянию гражданского общества и государства, когда эти отношения (Справедливости и Законности) наконец совпадут, и уже никогда не разойдутся.

В примитивных сообществах (первобытных и древних людей) господствовало *чувство Справедливости*, ибо **Закон** для своего *про-явления* требовал *по-явления* не только членораздельной речи, но и письменности. Чувство Справедливости (когда оно нарушалось в какой-то конкретной ситуации и, соответственно, возникало *чувство несправедливости*) становилось причиной-мотивом, побуждающим к действиям, защищающим и восстанавливающим Справедливость в ее конкретно-историческом масштабе и форме. «Нет ни одного нравственного качества, чья слава и влияние рождали бы больше зависти, нежели справедливость»; «Справедливых не только уважают, как уважают храбрых, не только дивятся и восхищаются ими, как восхищаются мудрыми, но любят их, твердо на них полагаются, верят им, тогда как к храбрым и мудрым питают либо страх, либо недоверие», – писал древнеримский мыслитель Плутарх [1].

Вот почему Чувство Справедливости было изначальным и ведущим в развитии коллективной человеческой жизни и сотрудничества. Это можно и нужно сравнить с ранним детством человека, когда бессознательные чувства господствуют над Разумом, так как он еще не «проснулся». И, наблюдая жизнь и игры маленьких детей, легко убедиться в том, что чувство справедливости легко прорывается в их громких криках, слезах обид или даже драках.

Появление письменности открыло возможность людям выразить Чувство Справедливости выразить в Священных Письменах Закона. Для первых цивилизованных обществ Закон чаще всего (или всегда) был Свят, ибо давался людям (по их мнению) Свыше – Главным Судией и Высшим Гарантом Справедливости. Мы, современные люди, можем и оспаривать этот тезис, ибо наш печальный и суровый опыт подсказывает порой противоположное мнение.

Продолжим. Зададимся вопросом: почему вообще античные цивилизации интерпретировали простые *правила* человеческого общежития, как Закон с-Выше или Закон Божий? Ответ очевиден – это желание Законо-дателя (будь то пророк, жрец или верховный правитель) сделать правило общежития **общеобязательным** и **вечным** в исполнении и наказании. В те эпохи люди и законы природы воспринимались как Законы Божьи. И как утренний рассвет освещает весь мир, так и засуха заставляет страдать **всех без исключения**. И «всё по Воле и Слову (Закону) Божьему». Это понимание бы-

ло Справедливо перенесено Законо-*дателем* в правовую систему и так же Справедливо принято гражданским сообществом. Плутарх, в такой познавательной ситуации отмечал: «Нет ни одного нравственного качества, чья слава и влияние рождали бы больше зависти, нежели справедливость, ибо ей обычно сопутствует и могущество, и огромное доверие народа. Справедливых не только уважают, как уважают храбрых, не только дивятся и восхищаются ими, как восхищаются мудрыми, но любят их, твердо на них полагаются, верят им, тогда как к храбрым и мудрым питают либо страх, либо недоверие» [1].

Конечно, в древних цивилизациях не существовало понимания «общечеловеческого» статуса в силу их регионального и изолированного бытия. И, поднимаясь с помощью Закона (Письменности) над соседними неразвитыми народами и племенами, «цивилизованные» народы пришли к несправедливой модели «избранности», а, следовательно, «законного господства» над ними.

Таким образом, вплоть до конца XIX века Закон, будучи справедлив для «своих» – «избранных» и «властвующих», попирает всякую Справедливость в отношении «чужих», имевших несчастье не войти в число «избранных» и цивилизованных народов, граждан или классов. Так, богатый и знатный мог обидеть бедного и безродного, а западноевропейский цивилизатор-колонизатор почти без всяких угрызений совести мог убить, ограбить или обратить в рабство неевропейского «дикаря», хотя религия учила заповедям «не убий» и «не укради». Почему? А потому что традиционные религии, хотя и претендовали на статус «мировых» и «общечеловеческих», тем не менее, в своем генезисе не преодолели модели «законной» справедливости «только для избранных».

Хотя почти всегда, легендарный основатель данной религии, стремясь к Идеалу, в идее «избранности» видел лишь безусловную верность Добру, Любви, Истине, Справедливости и Милосердию, а не «законному» насилию и «законному» господству человека над человеком.

Но как есть разница между источником света и предметом, на который падает этот свет, так есть разница между Законодателем и Законо-применителем. Предмет может отражать свет без существенного искажения, а может исказить или даже полностью поглотить. Можно ли требовать от людей **идеального** понимания, исполнения и применения Закона, даже Высшего и Справедливого, если сами они неидеальны и живут в неидеальном мире и обществе? Требовать, конечно, можно. Но неидеальная реальность вряд ли изменится до Второго пришествия. Таким образом, эгоизм «избранных» неизбежно порождает несправедливость «двойных стандартов» на всех этажах общества, а также в отношениях между народами.

И за тысячи лет мировые религии не смогли решить вопроса о Справедливости и воплотить мечту о Справедливой законности в общечеловеческом масштабе. Ни проповедью, ни насилием. Человечество осталось разделенным, если не по национальному, то по конфессиональному признаку.

Конец XIX века и весь XX в. явили нам внерелигиозные попытки осуществить мечту о Законной Справедливости в планетарном масштабе.

Это были проекты *коммунизма*, *фашизма* и *либерализма*. Примечательно, что идеологи этих учений требование учесть интересы угнетенных (*коммунизм*), арийской расы (*фашизм*) или, к примеру, секс меньшинств (*либерализм*), пропагандируя как восстановление Справедливости и прямо обвиняли сложившиеся Законы (правовые системы) как вопиюще несправедливые. Во всех трех случаях предлагалось отменить традиционные системы власти и права (теистические, реакционные) и установить новые – светские и революционно «прогрессивные».

Оглядывая уже из XXI века «бурный» XX в., можно без сомнений констатировать – и эти попытки завершились фиаско. Впрочем «либерализм» еще агонизирует. А причины те же: «избранность» прогрессивных групп или партий и их «законное» насилие над «реакционерами». Эксплуататоры, не арийцы и традиционалисты не приняли «справедливых» требований, тем более, когда от них стали требовать умереть ради торжества справедливости и «прогресса» в общечеловеческом масштабе. И перешли к сопротивлению. Итог: фашизм и коммунизм побеждены и скомпрометированы. А либерализм на полпути к этому же концу. Планетарное человечество опять разделено в хаосе религиозных и идеологических проектов общего будущего. Двухполярный мир умер, однополярный не получился. Чувство Справедливости не удовлетворено, а Законность под сомнением.

Наверное, уже пора бы перейти от **чувства** Справедливости к **пониманию** Справедливости, ибо чувство четкой «границы» не имеет. А стремясь к удовлетворению чувства Справедливости без разумного понимания, эту «границу» легко перейти. И тогда возникает обратная ситуация: несправедливо обиженный вновь будет стремиться восстановить справедливость. Замкнутый круг. Древняя

же формула «око за око, зуб за зуб, жизнь за жизнь» делает процесс восстановления справедливости в общечеловеческом масштабе практически невозможным. Чувство справедливой мести древние люди считали священным. Но если следовать ему, то, пожалуй, от человечества никого не останется. Революции, гражданские войны, репрессии, две мировых войны, множество региональных – жертв много. Очень много. И это, не считая еще жертв уголовных преступлений.

Перевод удовлетворения чувства справедливости из «кровавой» формы в имущественную, а потом денежную смягчили жестокость Законной справедливости. Но бедные и неимущие сразу попали в невыгодное положение. Между тем знаменитый древнеримский юрист Цицерон советовал, чтобы каждому воздавать по заслугам:

«Вспомним также, что справедливость надо соблюдать и по отношению к людям, стоящим весьма низко» [2].

В общем, на «сегодняшний день» дела и со Справедливостью, и с Законностью так же далеки от идеала, как и в предыдущие эпохи, отражая несовершенство людей, общества и реальности земной жизни. Применительно к уголовному процессу такое положение дел характеризовал А. Кони в своей замечательной работе «Нравственные начала в уголовном процессе», которая стала *альфой* и *омегой* для всех юристов:

«Задача уголовного суда состоит в исследовании преступного деяния в справедливом приложении к человеку, признанному виновным» [2].

Таков исторически-философский взгляд на справедливость законов.

Любое общество, как совокупность отношений изначально возникающих и развивающихся по искусственно созданным правилам (то есть созданным человеком), обречено на эксцессы. Они возникают не только ввиду несогласия отдельных индивидов с принятыми правилами общежития, но также и по причине неуниверсальности данных норм для всех представителей человечества, ввиду чего ряд природно-заложенных элементов характера этих индивидов (например, агрессивность, гиперсексуальность), не дающих возможности принять установленные правила и следовать им, вызывает в их поведении асоциальные проявления, нарушающие привычный ход общественной жизни.

Безусловно, подобные отклонения заставляют большинство членов данного сообщества принять меры санкционного воздействия на нарушителей, дабы интересы подавляющей части социума не попирались, и создавая тем самым угрозу слаженному функционированию всей системы. С целью сохранения общих принципов организации человеческого мира законодатели стараются (или делают вид) эти «карательные установки» создавать, базируясь в большей или меньшей степени на принципе справедливости, чтобы вред, причинённый обществу, в ответном порядке компенсировался.

Сейчас, когда век демократических ценностей устанавливает в качестве целей наказания такие положения, как исправление правонарушителя, профилактику новых отступлений от принятых норм, ограждение социально-опасного элемента от общества и др., законодательства большинства стран мира стремятся включить в свой корпус подобные каноны, убеждая себя и граждан, что гуманность и справедливость, по сути, синонимы, возвышающие государственный строй до уровня «творца истины».

Однако на практике синонимичная тенденция, при более тщательном рассмотрении фактически аннулирует в санкциях принцип справедливого возмездия, ибо зачастую наказание, претерпеваемое правонарушителем, менее тяжко, нежели вред, причинённый пострадавшим.

Почему? Всё предельно просто. Если мы рассмотрим *справедливость индивидуальную*, то есть применяемую исключительно к отношениям, возникающим между отдельными субъектами, без оглядки на общественную систему и государственные интересы, то при возникновении правонарушения сможем увидеть, что таковая будет осуществляться по схеме «глаз за глаз». Да, безусловно, причинённый вред иногда бывает невозполнимым, и моральные страдания также очень трудно объективно оценить и взвесить, не говоря уже о том, чтобы возместить. Но когда лицо, посягнувшее на чьи-либо права, интересы, свободы, само в качестве наказания получает существенное аналогичное ущемление прав, то своеобразная компенсация происходит в плане и физическом, и нравственном. Это намного ближе к изначальному пониманию справедливости, нежели те абстрактно-гуманные дефиниции ее, существующие в нынешнем праве. Но заметим, что подобный взгляд на проблему возможен только в случае рассмотрения конфликта в рамках межличностных взаимоотношений.

Если же нарушение норм рассматривается в аспекте государственного существования (или хотя бы общественного), то, разумеется, о справедливости индивидуального порядка речи быть не может, так как никакое здоровое многосубъектное объединение, существуя как самостоятельный организм, не

позволит ставить частные интересы выше интересов общества в целом, несмотря на то, что сами по себе общие интересы – понятия эфемерные, имеющие под собой только идеологию. Но, это уже другой вопрос, не относящийся к данной теме.

Государство, как цивилизованное проявление социума, стремится минимизировать «расход» имеющихся ресурсов, дабы впоследствии использовать «излишки» более продуктивным способом. А посему ограничение прав в весомой мере, а также физическое контрвоздействие на лицо, причинившее аналогичный вред другому лицу, неприемлемо, ввиду возникновения после подобных действий так называемого «двойного вреда», который лишает полноценности функционирования в рамках системы сразу два элемента. В экономическом плане государству всегда выгоднее использовать убийцу на пожизненном сроке, чем сразу убивать его, следуя принципу естественной справедливости.

Ограничение же свободы (или полное её лишение), которое наиболее распространено сегодня в большинстве стран как основной вид наказания, только локализует пребывание субъектов, совершивших правонарушение, не исключая их дальнейшего использования для достижения определённых результатов. К тому же подобная мера почти всегда в людском сознании относит подобных лиц ко «второму сорту», что упрощает в дальнейшем отправление в оборот «забракованных» людей. Причём получаемое наказание и причиняемый вред зачастую являются проявлениями разных систем, поскольку для любого противоправного поведения имеется ограниченный круг репрессий, применение которых законодательно определено к субъекту, преступившему нормы. В то время как круг правонарушений имеет огромное количество проявлений и никоим образом не связан принципами, на которых базируется цивилизованное законодательство.

Вопрос справедливости, как и большинство других смежных вопросов, упирается в неразрешимую проблему приоритета интересов.

Если преобладает тенденция к возведению в разряд «священных коров» интересов государственного строя и его развития, пренебрегая при этом аспектом личности, то, безусловно, подобная правовая политика оправдана. Так как минимизирует утерю субъективной базы.

Но более человечна и рациональна теория, игнорирующая искусственно-игровые правила борьбы между социально-упорядоченными образованиями: она призывает искать основу для правосудия в принципе естественной справедливости в отношениях непосредственно взаимодействующих лиц.

В связи с тем, что более разумным представляется принцип «государство для человека», а не «человек для государства» (исключая из этого принципа те обязанности субъекта, которые должны обеспечивать безопасное и гармоничное функционирование системы и обеспечивать защиту других членов общества), то будет логично предложить введение и закрепление на международном уровне норм, обеспечивающих ответственность по вышеуказанному принципу «аналогичности» наказания.

Это позволит основывать национальные законодательства на совместно разработанных мировых принципах, и, следовательно, обеспечит определённое воздействие на субъектов асоциальной направленности, сдерживая их «в узде» равными по воздействию контрмерами, что позволит в какой-то степени снизить уровень посягательств на охраняемые правом объекты.

Спорным моментом могут стать ситуации, при которых причинение того или иного вреда было совершено без прямого умысла, в связи с чем противоправный результат является побочным или вообще случайным. При таких казусах последующие меры, разумеется, не должны быть аналогичны причинённому вреду, так как субъект сам по себе не является асоциальным, в связи с чем сохранение норм применяемых по принципам «гуманизма» также должно быть осуществлено для применения их в ситуациях, не являющихся «идеальным» примером противоправного деяния.

К тому же введение в действие предлагаемых норм, позволит разграничить криминальные деяния «примитивного» уровня, однозначно выраженные примеры основных правонарушений (к примеру, убийство, кража), и преступные деяния «масштабного» воздействия (покушение на смену государственного строя, экоцид и т. д.), где применительно к последним будет трудно ограничиться воздействием аналогичного характера, а потому необходимо применение либо просто смертной казни, либо компиляционного применения нескольких санкций, позволяющих минимизировать разрыв между вредом для общества и вредом для правонарушителя.

Кому-то может показаться, что подобная методика воздействия на преступников будет иметь вид своеобразного казино, где ставка стремится стать соразмерной потенциальному «выигрышу». Но следует учитывать, что большинство людей, совершающих асоциальные деяния, видя перед собой ограниченный круг контр воздействий, не особенно переживают за имеющиеся права, свободы и материальные ценности, в связи с чем эксцессы часто приобретают вид дурной закономерности: «делай,

что хочешь – санкция будет одна» (дифференцирование будет только в продолжительности и уровне санкции). А поэтому эффект казино, хоть в небольшой степени, но будет иметь влияние на снижение уровня потенциальных преступлений.

Вопрос о подобном рассмотрении карательных мер по отношению к субъектам, выпадающим из общей системы здорового функционирования норм, будет иметь силу только тогда, когда прекратится рассмотрение государства как системы заводского уровня, где даже бракованные детали по-прежнему стремятся вставить в действующий и слаженный механизм неумелыми и скупыми руками. И это вовсе не значит, что «споткнувшийся» приобретает после своего преступления статус отверженного. Нет, он может и должен вернуться в общую систему, но не раньше, чем в полной мере возместится (в материальном и в моральном планах) причиненный им вред.

Астрея¹ (древнегреческая богиня справедливости) не обладает, по общему убеждению, милой улыбкой и нежностью глаз – её руки кровавы, но обагрены они в праведной жажде справедливости!

Подводя итоги нашего общего исследования, предлагаем читателю следующие выводы.

Не вызывает сомнения и споров стремление большинства разумных и добропорядочных членов человеческого сообщества и к Справедливой Законности, и к Законной Справедливости.

Это стремление обнаруживает идеальную природу человека через его Разумное Мышление и Добрую Волю. Но разобщенность, дурной эгоизм и несовершенство земной жизни делают это стремление труднореализуемым.

Однако разумных попыток совершенствовать государственную машину, законодательство и общественную жизнь не следует оставлять.

Также необходимо с осторожностью относиться ко всем «прогрессивным» и «справедливым» проектам общего будущего. Особенно, если их авторы настаивают на своей «избранной» исключительности и «законном» праве применять насилие для установления «идеального» порядка.

Справедливость как таковая отражает фундаментальное право каждого человека жить в согласии с самим собой и окружающими в мирном труде, не жертвуя ради этого своим здоровьем, родными и близкими, имуществом и жизнью. Или: Справедливость есть **живое** чувство, отражающее **баланс интересов** всех со всеми и во всем. Без насилия, лжи и паразитизма. Это чувство обмануть невозможно. Оно конкретно и адресно. Ибо чувства абстрактными не бывают.

Несправедливость есть дисбаланс интересов. В единой системе живого организма дисбаланс жизненной энергии есть причина заболевания и смерти.

Человечество, осваивающее планету Земля, познающее себя, стремящееся к Свободе, так или иначе, представляет вместе с биосферой, этот единый живой организм. И перманентное чувство несправедливости, которое вопиет непрерывно и повсеместно сигнализирует о хронической смертельной болезни всего этого планетарного «организма».

Успеет ли появиться врачующий и утешающий для спасения больного, пока не наступил роковой исход? Или сам больной преодолет свою немощь и сам же найдет и применит исцеляющие средства? Хочется надеется на оба варианта. Хотя второй был бы предпочтительней. Так как дал бы спасительный опыт и иммунитет самому страдающему. И желательно без кровавой «хирургии».

Когда Астрея вернется, пусть на ее прекрасной голове будет лавровый венок, а в чистых руках пальмовая ветвь и веточка вербы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. Т. 2. М. Наука, 1994. С. 249.
2. Цицерон. О старости, о дружбе, об обязанностях. М. Наука, 1994. С. 69.
3. А. Кони. Нравственные начала в уголовном процессе». Избранные произведения. Т. 1. Статьи и заметки. Судебные речи. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1958. С. 28.
4. О. Ермишин. Афоризмы. Золотой фонд мудрости. М.: Изд. дом «Просвещение», 2006.

Поступила в редакцию 24.01.2018

¹ Астрея, в греческой мифологии дочь Зевсе и Фемиды, богиня справедливости, сестра Стыдливости, обитавшая среди счастливых людей Золотого века. Затем испорченность людских нравов заставила её покинуть Землю и вознестись на небо.

A.K. Vaitukov, A.S. Voronchikhin, M.A. Sentyakov
ON JUSTICE OF LAWS

The historical genesis of the correspondence between the laws of the state and justice is explored. It is pointed out that the relations of legality and justice often do not coincide both within the society and internationally. Unequal position in the development of individuals, different groups of society, peoples and states generates the idea of "having been chosen", "legal" violence, "double" standards. That inevitably destroys the relationship of justice. Consequently, the balance of interests also collapses, which inevitably breeds conflicts, destabilizing the stability of social systems and relations. There is a correlation between legislative activity and the need of society to protect and restore justice. A definition of justice is given. The necessity of legislative and law enforcement implementation of the relations of justice for the stable and progressive development of society is proved.

Keywords: justice, law, legality, state, legislator, society, law, man, violence, idea of having been chosen, double standards, balance of interests.

Вайтуков Александр Константинович,
старший преподаватель кафедры социологии
E-mail: Vaait@rambler.ru

Ворончихин Александр Сергеевич,
кандидат философских наук, доцент
кафедры философии и гуманитарных дисциплин

Сентяков Михаил Андреевич,
аспирант кафедры уголовного процесса

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1

Vaitukov A.K.,
Senior lecturer at Department of Sociology
E-mail: Vaait@rambler.ru

Voronchikhin A.S.,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
at Department of Philosophy and Humanitarian Disciplines

Sentyakov M.A., postgraduate student
of criminal procedure department

Udmurt State University
Universitetskaya st., 1, Izhevsk, Russia, 426034